

Ольга Стрелкова

СРЕДИ МИРОВ

фантастический рассказ

12+

Ольга Сергеевна Стрелкова
Среди миров.
Фантастический рассказ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64776973

SelfPub; 2021

Аннотация

Рассказ в жанре мистического реализма. Внимательный читатель найдёт скрытые и явные аллюзии на произведения классиков. Имеют ли они смысл? Поразмышляйте над этим, читая историю из жизни человека, невольно ставшего мостом между мирами.

Ольга Стрелкова

Среди миров.

Фантастический рассказ

Произошла эта удивительная история с преподавателем N-ского медицинского университета Верой Николаевной Шеиной. Такой случай столетие назад назвали бы «престранным» или даже «фантастическим». Вера Николаевна вообще была не самым обычным преподавателем. Взять хотя бы её предмет – русский язык. Ничего особенного, вроде бы. Но она его преподавала как иностранный, и не просто так, а на английском. Если случайному собеседнику приходилось узнать о профессии Веры Николаевны, он почтительно замолкал. Вероятно, ожидая чего-то удивительного.

И удивительное случилось. Но едва ли Вера Николаевна станет рассказывать об этом случайному собеседнику.

В середине ноября выпал первый мокрый снег. Установилась та мерзкая слякотная погода, которая всегда способствует распространению всяческих инфекций. Вера Николаевна помнила, как умудрялась не болеть в течение всего своего рабочего года. А иногда переносила грипп на ногах. Теперь же она сидела перед группой студентов и чувствовала, как температура плавит её мысли точно олово. А слова густым тягучим потоком падают на головы учеников.

Слова такие привычные и простые. Дом. Работа. Друг. Подруга. Университет. Какого труда стоило вдолбить каждой новой группе, что нужно говорить «Я учусь в университете»! Двойное «те» в окончании казалось студентам-иностранцам лишённым какого-либо смысла. Вера Николаева говорила: «Не думайте, почему это так. Просто запоминайте. Вы всё поймёте позже». Позже – это когда начиналось изучение системы русских падежей. Справедливости ради нужно отметить, что только единицы, счастливики, одарённые от природы лингвистическим чутьём или поцелованные своими богами при рождении, действительно начинали понимать. В большинстве своём студенты просто кивали и повторяли, как мантру: «Я учусь в университете», с пугающим постоянством пытаясь произнести первую букву слова «университет» на английский манер. Ю.

Кажется, это называется синдром приобретённой беспомощности. С каждым годом всё меньше хотелось корректировать произношение. И каждая новая группа казалась реинкарнацией какой-то группы прошлых лет. Веру Николаевну преследовало чувство дежавю. Все слова были затёрты как стельки старых туфель. Нигде русский язык не казался таким далёким от реальности, как здесь, в N-ском медицинском университете. Сокращённо – Мед. Стены этого учебного заведения были словно граница миров. А само здание – точно многопалубный корабль, погружённый в бурлящее море российской реальности. Но вся жизнь обычного русского го-

рода была так же далека от студентов Меда, как жизнь океанических моллюсков от пассажиров круизного лайнера.

Как ни странно, основным средством межнационального общения стал ломаный, модифицированный, многократно искажённый английский. Примечательно, что в Меде не было студентов из собственно англоговорящих стран. Возможно, если бы таких было много, всеобщим языком стал бы китайский, французский, лаосский. Проще говоря, язык, который не был бы родным для большинства студентов, но не являлся бы русским. Большинство студентов покидают стены Alma Mater, так и не осознав в полной мере все прелести падежной системы русского языка.

Обучение начинается с предложного падежа (sixthcase). Тот самый «в университете». Падеж обозначает место. Студенты воспринимают его достаточно спокойно. Снисходительно. Почему бы и не поменять окончание, раз так нужно? Следующей нотой в аккорде звучит винительный падеж (forthcase), с необходимостью помнить о родовой принадлежности каждого слова, а так же о категории одушевлённости. Я люблю брата. Я люблю маму. Я люблю чай. Я люблю пиццу. Видимое разнообразие вносят окончания и предлоги родительного падежа (secondcase). У меня есть друг. У меня нет друга. Студенты начинают нервно соображать, почему нельзя сказать «У меня есть друга». Там – меняем, тут – не меняем. А пока студенты осознают изученные окончания, подобно внезапному порыву ветра, звучит дательный

падеж в значении адресата. И как же трудно объяснить разницу между объектом, когда используется винительный падеж, и адресатом, требующем дательного.

А ещё эти вечные фразы, которые Вера Николаевна могла бы представить в качестве эпитафии к собственной жизни. Мне нравится биология, но я люблю биологию. И, разумеется, не забываем постоянную борьбу за произношение. Не «байолоджия», а «биология». По-русски. Do you know Russian alphabet?

Спустя годы проведённые в Меде, Вера Николаевна ощущала действительность вне работы, как нечто иллюзорное. И жизнь, в которой она была Верой Николаевной, оставалась за дверями университета, где она просто Мадам Вера.

Дома Вера Николаевна, как была, не переодеваясь в домашнюю одежду, прилегла на маленький диванчик в гостиной, и тихо заплакала от бессилия. Это было не то злое бессилие, которое даёт запал бороться, а напротив – полный упадок, когда она не могла даже найти сил, чтобы пошарить в аптечке. Мечтая о чашке тёплого чая, она заснула.

Её болезнь не была столь уж сильна. Небольшая температура. Головная боль. Насморк. Sore throat. Гораздо опаснее был душевный упадок. То чувство, когда не хочется идти на работу. И вообще не хочется никуда идти. Хочется полежать пару дней, уткнувшись лицом в спинку дивана. Разглядывая тканые завитки не обивке, Вера Николаевна вспоминала свои первые годы работы в N-ском медицинском универ-

ситете. Шумящим роем, студенты прошлых лет кружились в памяти. «Это просто feather, – подумала Вера Николаевна и заснула. Конечно, она имела в виду «fever». Жар. Температура. Лихорадка. Но в её сознании кружилось именно «feather». Перо. Перья, которые шаманы украшали своё наряд, как символ связи земного и небесного.

Вера Николаевна чувствовала себя парящей в небе птицей. Она слышала хриплый голос, который по-доброму, потечески убеждал её: «Как птицы ходят по земле и летают по небу, служа двум стихиям, так и ты. И птицы подобны ангелам. Но ангелы подобны птицам. Ибо сказано: Они не сеют и не пашут, но Господь даёт им».

Вера Николаевна протянула раскрытую ладонь, чтобы дотронуться до лица старика-шамана. Испещрённое морщинами, оно обладало прекрасной текстурой. И даже само время не было с ним во вражде. Оно не отбирало, а даровало. «Почему у меня так не получается?» – спросила она с тоской глядя на старика-шамана. Он улыбнулся и положил тонкое перо на её раскрытую ладонь.

Feather. «Смотри на птиц», – сказал он Вере.

Её сон был достоин праведника – он очистил душу от грусти, принёс покой, прогнал уныние. Проснувшись на другой день, Вера Николаевна была почти здорова. Вообще, положив руку на сердце, придётся признать, что болезнь заметно сдали свои позиции, как только врач выписала больничный. Едва Вера Николаевна вышла из кабинета доктора, ей открыл-

ся целый мир, в котором снег большими мокроватыми хлопьями летел прямо в лица прохожим. И это казалось красиво и мудро. Этот снег обещал умиротворение. Он учил жить просто, без затей. Ноябрь показался Верен Николаевне буддийским монахом с обритой на лысо головой. Он был аскетом, но от других не требовал того же.

Выспавшись, Вера Николаевна, вскипятила воду и заварила зелёный чай. После от нечего делать она принялась за интернет-серфинг. Как она к этому пришла? Просто было немного пусто и в голову лезли мысли о любви и смыслах. Вспоминались студенты, друзья и поклонники. За годы своего учительства она поняла, что дружбы со студентами не получается, как ни старайся. Конечно, кто-то мог бы поспорить относительно такого видения, но Вера Николаевна была дома решительно одна. Точнее – в том гордом одиночестве, которое присуще некоторым мраморным статуям эпохи Возрождения.

Несколько иначе дела обстояли на «Филфри», но, в общем-то, приводили к тем же выводам. Филфри точка ком – излюбленная социалочка пользователей всех стран и континентов. Всюду, куда дотянулись паутинки Интернета, хорошо узнаваем синий логотип с удвоенной латинской буквой «эф». Feel free – переводится, как «не стесняйтесь», «чувствуйте себя свободно». Именно чувство свободы и привлекало в общении на Филфри.

Вера Николаевна давно не зависала на сайте, доказатель-

ством чему были несколько десятков непрочитанных уведомлений. Филфри, как всегда, предлагал указать побольше информации о себе, чтобы друзьям было легче её, Веру Николаевну, найти. Новостная лента пестрила сообщениями типа «Вишну Брахмапутра считает классным фото Шри Лакшми Ганди» и «Антонио Дос Сантос прокомментировал видео Литиссии Родригес Да Силва». Ценная информация.

Мыли про Интернет как большая волна, которая поднималась из самых мрачных глубин, буквально оглушили Веру Николаевну. Она думала о том, как первое время одно её появление онлайн провоцировало шквал сообщений. Как дела мэм? Хев фуд мэм? Потом сошло на нет. Индусы смирились с тем фактом, что она имеет возможность принимать пищу каждый день. Эквадорцы перестали предлагать помощь в освоении испанского. Азиаты мало-помалу забывали лайкать фотографии. Они устали. С кем бы хотела пообщаться сама Вера Николаевна? Интернет, вроде как, даёт такую возможность. Вот – любой студент, любого года выпуска. Филфри как будто спрашивает: «С кем бы ты хотела пообщаться, если бы могла пообщаться с кем угодно?» «Из бывших студентов, разумеется», – как будто уточняет Вера Николаевна.

«У Нур Сабрины Бинти Мухамед сегодня День рождения! Отправьте ей поздравления, чтобы сделать праздник незабываемым!» – выскочила очередная новость.

Вера Николаевна помнила. Их звали Амир и Нур Сабрина.

Амир означает «лидер». Нур переводится как «свет». Интересно, называл ли её кто-нибудь первым именем? Вероятно, нет. Все звали её Сабрина. Имя скорее редкое для Малайзии, но по значению – «терпеливая, выдержанная, скромная» – очень подходящее.

Это были малазийцы из маленькой группы, которая приступила к занятиям позже всех. Там было всего шесть человек, из которых двое определённо были умственно-отсталыми. Сабрина была самой умной в этом болоте. Амир был старостой и, действительно, проявлял некоторые лидерские задатки.

Амир и Сабрина были в каких-то странных отношениях. Со стороны этих двоих можно было принять за брата и сестру. Всё время вместе. Но при этом, никаких объятий и поцелуев, никаких касаний друг друга ножкой под партой. Но в их присутствии воздух начинал искриться. Как бывает в солнечный морозный день, когда не то снежинки, не то само пространство сверкает и потрескивает. И подобное этому, совершенно неуловимое нечто, возникало в присутствии Сабрины и Амира. Их связывало что-то непостижимое. Не дружба, не родство, не выгода.

Амир, совершенно определённо, был влюблён в Сабрину. Это сквозило в каждом его жесте и слове. В то же время иногда он как будто злился на неё. За то, что она такая идеальная. За то, что он привязан к ней настолько сильно. За то, что она есть. Но он даже не пробовал порвать связывающие

их узы.

Сабрина принимала эти отношения, как само собой разумеющееся. С ноткой снисходительности. Немного смиренно. И капельку иронично. Она была умница, эта Сабрина. Однажды Вера Николаевна, проверяя её тест, начала вычёркивать как ошибочные ответы в ключе. Опомнилась где-то на середине и усмехнулась – это надо же так верить в знания студентки.

Вера Николаевна посмотрела на теперешнее фото Сабрины. Облик не претерпел существенных изменений. Хеджаб, маленькое личико, чуть пухлые губки, узкие плечики. Никто бы не назвал Сабрину красоткой, но и дурнушкой она тоже не была. Казалось, в ней нет ничего примечательного. Вера Николаевна вспомнила, как однажды Амир загрузил фото, на котором сидящая перед чашкой капучино Сабрина что-то высматривала в зеркальце. Она скосила глаза на нос и выглядела комично. Такие фотографии девушки обычно не выставляют в сети. Амир залил фото без каких-либо пояснений. Центром композиции фото была, как ни крути, чашка капучино, на сливочной пенке которого рукой безвестного мастера было выведено прелестное пёрышко. И, однако, внимание привлекала именно скосившая глаза в попытке разглядеть что-то на кончике собственного носа Сабрина. Это фото могло бы сойти за стёбовое, но оно было милым. Настолько милым, что какой-то остряк написал в комментарии: «So sweet. I got diabetes». Так сладко, что у меня случился

диабет.

Это фото было равносильно признанию в любви!

В настоящее время аватар Сабрины выглядел официально. Строгое лицо, обрамлённое скромно повязанным хеджабом. Косметики вроде как нет. Лёгкая асимметрия линии губ, выдающая тщательно скрываемое внутреннее напряжение. Никакой улыбки. Фото казалось чёрно-белым, хотя это было не так.

Вера Николаевна заглянула в своё сердце. Хочу ли я поздравить Сабрину с Днём Рождения? Спросила она себя. И тут же устыдилась своего вопроса. Если так спрашивать себя каждый раз, то какой смысл вообще в поздравлениях. Это должно быть как порыв. Нет смысла заглядывать в своё сердце по такому поводу. У девочки день рождения. Почему бы не поздравить её просто так. Какое такое особенное желание должно родиться в недрах души человеческой, чтобы оставить послание на Филфри? Вера Николаевна разозлилась на себя. Она решительно кликнула на «сообщение» и написала «Happy Birthday». Однако присовокупить смайлик она так и не решилась.

Отправить сообщение.

Перескакивая со страницы на страницу, Вера Николаевна скоротала ещё какое-то время. Она искала профили студентов из своей самой первой группы. Их было двенадцать. И они казались идеальными. Забавно, но большинство групп комплектуется по числу апостолов. Вера Николаевна всегда

находила в этом повод для раздумий и аллегорий. Двенадцать. Магическая цифра, в которой прячется Иуда. Иногда он так и остаётся неузнанным, проходит бесшумно в толпе восторженных Иоаннов. И кто знает, какие Марии и Марфы скрываются за именами Нуралайн или Шафика.

Не всякий Иуда сочтёт тебя достойным своего поцелуя. Иногда через полгода после экзамена, он просто проходит по коридору, не говоря ни «Здравствуйте», ни «Hello, teacher». И всё.

С «Иудами» могли потягаться только поклонники. Сейчас они обзавелись семьями и перестали слать любовный спам. Но когда-то... Хотя, мало кого из них можно было воспринимать всерьёз. Для них Вера Николаевна была лишь оболочка, сосуд, который каждый наполнял собственном светом. В этом отношении она была идеальной женщиной. Как белокурая Изольда. Недостигаемая будто звезда. В таком положении дел был свой триумф, но и свой трагизм. Можно сказать, что именно поклонники подвели Веру Николаевну к главному разочарованию её жизни. Это касалось доверия к чувствам. Не то чтобы вообще, но вера её пошатнулась. Статистика была очевидной – поклонники были тем настойчивее и преданней, чем холоднее к ним относилась Вера Николаевна. Если намечался хоть какой-то взаимный интерес, буквально намёк, прозрачный и маленький, как ноготь на мизинчике ребёнка, всё гасло.

Вера Николаевна иногда оставалась с охапкой вопросов,

на которые никто не собирался отвечать. Случалось это не часто, что отрадно. Но, разумеется, случалось. Собственно любовных отношений у неё с учениками не было, но вот какая-то занимательная переписка, дружеская болтовня при встрече, взаимные лайки. Не то чтобы это предполагало какое-то продолжение или развитие, но всё же иногда заканчивалось слишком резким и необъяснимым молчанием. Как будто человек отхлебнул из реки забвения.

Вера Николаевна научилась не сожалеть. Древние говорили, что если боги хотят покарать человека, они делают его педагогом. Многие понимают эту фразу в том ключе, что ученики обеспечивают нервотрёпку, а ещё надо проверять тетради, выступать на родительских собраниях, собирать деньги на ремонт класса и дежурить в столовой на большой перемене. Но древние ведь явно имели ввиду не календарно-тематическое планирование и накладки с расписанием. Не всю эту рутину, на которую обычно жалуется педагог. Это лишь мелкие уколы повседневного страдания. Настоящее проклятие состоит в том, что учитель обречён постоянно терять тех, кого он успел полюбить. Отношения с учениками не могут иметь никакого продолжения. Они обречены на разрыв. Учитель постоянно оказывается в эпицентре боли.

Каждый ученик отрывает какой-то кусочек души и уносит с собой в неизвестном направлении. Постепенно боль сменяется тоской, которая заполняет собой пустоты, образуя

еся после ухода очередной группы или класса.

Что немного раздражало Веру Николаевну, так это желание учеников нравится. Может, это заложено природой? Вроде как инстинкт, способствующий выживанию. Но Вере Николаевне была хорошо известна та боль, которую причиняет любовь. Всякий человек, стремящийся вызвать любовь в сердце другого существа должен принимать на себя ответственность. Чаще всего любимые греются в лучах внимания любящих. И всё. Они не чувствуют себя обязанными.

Размышляя таким образом, Вера Николаевна решила взглянуть на профиль одного из своих поклонников, который был ярким примером злоупотребления любовью. Как и следовало ожидать – профиль был удалён. Зато осталась история сообщений. Вся их переписка, в которой смысла было меньше, чем в тарелке манной каши. Сам факт того, что Вера Николаевна так и не добавила воздыхателя в чёрный список, казалось бы, уличал её в некой заинтересованности. И заинтересованность была. Но совершенно особенная.

Переписка с Диего – так звали студента – была для Веры Николаевны своего рода доказательством. Чего? Сложной для понимания теоремы. Теоремы, с которой никак не хотел примириться её разум.

Этот Диего был, в самом деле, не дурён собой. Этаким ма-чо. Выразительные карие глаза все в лучиках тёмных ресниц. Смуглая кожа. Широкие плечи. Узкие бёдра. Рельефные мышцы. Прекрасный, чёрт его дери, принц. Именно так

и выглядят герои любовных романов. Когда Вера Николаевна увидела его впервые, у неё мелькнула мысль: «Этот красавчик уж точно мне не светит». Тогда она только начинала свою карьеру и возрастная дистанция со студентами была не велика. Но сама эта мысль, поразившая Веру Николаевну тем, что она вообще появилась, была скорее отголоском подростковых комплексов, нежели собственно сожалением о невозможности закрутить роман.

Никакого романа крутить Вера Николаевна не собиралась. Внешняя привлекательность уже давно не была для неё существенным критерием. Зато, возможно, девушка, которой она когда-то была, могла бы увлечься Диего. Та девушка закрывала бы глаза на все очевидные несовершенства этого молодого человека и наделяла бы его образ особыми свойствами, качествами, даже поступками. Она бы могла очароваться собственной фантазией и попытаться примирить её с действительностью. Понятно, что все попытки стыковки реального с идеальным заканчивались бы катастрофами. Та девушка, которой когда-то была Вера Николаевна, часто рисковала своим сердцем.

Это оставило шрамы на всю жизнь.

Вера Николаевна видела Диего как на просвет. Он был обычным развратником, который видел смысл жизни в поиске сексуальных побед. Эти победы повышали его чувство собственной значимости. Они служили доказательством его крутости. В широком смысле доказательством его бытия. Но

случилось так, что именно для этой бездушной секс-машины Вера Николаевна стала вдруг идеальным и недостижимым объектом. Всё началось с желания обладать преподавателем, которое нельзя было скрыть никакими ужимками. Она была ценна для Диего именно как трофей. И он с первых слов переписки видел себя победителем. Веру Николаевну смешила его самоуверенность. По сути, она не давала ему ни малейшего намёка на взаимность. А он уже нафантазировал, как девочка. Просто Диего даже представить себе не мог, что она сможет его отвергнуть. И раз уж ему отвечают на сообщения, значит дело верное. Его постигло разочарование. Видно было, что этот провал не укладывался в его сознании.

Он взял паузу. Соблазнил парочку студенток. И снова принялся за Веру Николаевну. Его подкаты сопровождались недоумением: «Как я могу не нравиться?»

Он использовал грязные приёмы с признанием в любви и обещанием свадьбы. Он утверждал, что у него полно денег и есть собственная яхта дома в Италии. Он присылал свои фото с голым торсом. Но всё чего он добился – это смех. Вера Николаевна смеялась по-русски «ха-ха-ха», по-английски «hahaha», и на азиатский манер «kkkkk».

В один из подкатов он сбросил маску и напрямую заявил, что его грех это похоть («lust»). «Просто сегодня ночью я мечтал о блондинке в красном платье. И я думал о тебе. Вот вся правда», – так он ей и написал. Иногда он удалял свой профиль. Потом создавал новый. Снова писал. Снова брал

паузу. Потом он вдруг начал писать по-русски. Вера Николаевна поняла, что у него роман с русской девушкой. Где-то через месяц, этот незадачливый Казанова написал, что девушка, с которой у него были отношения в течении пяти месяцев, его бросила. «Сегодня ночью я впервые спал один», – написал он. Будто ему пять лет. «Тоже мне трагедия», – рассмеялась Вера Николаевна.

«Её звали Вера. Как тебя», – написал Диего. Возможно, сорвал.

Вера Николаевна смеялась, но, вместе с тем, содрогалась от ужаса. Потому что то, как Диего пытался добиться своего, скорее, унижало её достоинство, нежели доставляло радость. Диего даже представить себе не мог, что Вера Николаевна наделена разумом. И понятно было, что так же он судит о всех женщинах. Иногда она делала финт, чтобы посмотреть на реакцию. Например, Диего начинал спрашивать о её любимых фильмах. Разумеется, вкусы магическим образом совпадали. Потом Вера Николаевна писала что-то вроде: «Прямо захотелось пересмотреть этот фильм». Диего тоже хотел посмотреть. И начинал зазывать Веру Николаевну на совместный просмотр. Она отказывалась, изображая при этом некоторое колебание. Он сразу начинал подозревать себя победителем и закатывал истерику. Он думал, что заинтересованная в мужчине женщина ловит кайф от пылких выяснений отношений. Когда Вера Николаевна начинала смеяться, он дико обижался. Он не понимал, почему его оби-

ды не стимулируют Веру Николаевну к стремлению доказать свои чувства через постель, как это очевидно принято в его загадочной стране.

Внезапно, прерывая цепочку мыслей, раздался звук доставленного сообщения. Сабрина благодарила за поздравление. В самых наимилейших выражениях. Она упоминала, что скучает по madame и спрашивала как дела у madame же. Под «madame» подразумевалась Вера Николаевна.

«Я заболела. Мне осточертела работа. И осточертело общаться на английском. И ещё я прямо сейчас поняла, что меня бесит слово «мадаме». А ещё мне снятся странные сны про шамана и перья. Но я действительно хорошо отношусь к тебе, Сабрина, поэтому решила тебя поздравить».

Имея ввиду всё выше сказанное, Вера Николаевна написала: «У меня всё как обычно. Очень скучаю по тебе. Как твои дела?»

Возможно, Сабрина тоже сидела дома, устав от избранной специальности. Во всяком случае, она тут же ответила, что работает педиатром в городской клинике. Она занимается тем, чем всегда и хотела, – помогает детям. Потому что она любит детей.

«У тебя уже есть свои дети?» – поинтересовалась Вера Николаевна.

Сабрина ответила не сразу. И сообщение показалось Вере Николаевне немного странным для малазийки.

«У меня нет детей. И, наверное, уже не будет. Я не была

замужем. Мои родители находили для меня достойные варианты, но постоянно что-то было не так. Помолвка всегда срывалась. И очень часто по моей вине. Мои родители не говорят этого, но я знаю, что они разочарованы. Мне так жаль».

«Футы-нуты, она пишет так, будто я в близком контакте с её родителями», – подумала Вера Николаевна. А ведь малазийцы всегда казались такими скрытными. Нужно как-то поддержать диалог. «Не переживай из-за детей! Жизнь часто преподносит сюрпризы. Никогда нельзя думать, что всё потеряно».

Сабрина поблагодарила за поддержку. Вера Николаевна не хотела обрывать беседу на такой ноте. Вот почему приходится заглядывать в своё сердце, прежде чем просто отправить открытку или сказать «Hello». Из-за таких вот неловких моментов, которые накапливаются и давят на подсознание, как монетки на дно копилки. «Как сложилась жизнь твоих одноклассников? Знаешь что-нибудь?». «What do you know your groupmats` life about? Do you know anything?» Вере Николаевне казалось, что фраза на английском напрочь лишена душевности, которая была в русском варианте. Как на допросе. Или ещё где. Прямо звучит интонация фальшивого интереса. Как в голосе диктора из курса «Английский для всех-всех-всех».

«Sorry madame», – ответила Сабрина. Она ничего ни о ком не знала.

«А как же Амир? Вы были так дружны в университете».

«О нём я тоже ничего не знаю. Мы не общаемся много лет».

«Прости, Сабрина. Просто для меня это немного странно. Дело в том, что я русский человек и, вероятно, воспринимаю всё немного по-русски. Просто мне казалось, что вы практически как брат и сестра. И то, что вы потеряли связь, для мне звучит пугающе».

«Почему, madame? Люди часто расходятся. В этом нет большой трагедии».

«Sorry... Я стала слишком чувствительной».

«Ничего, madame. Have a nice day!»

После этого Вера Николаевна распрощалась и вышла в офлайн. Побродила по комнате. Сделала чай. Измерила температуру. А из головы всё не шёл разговор с Сабриной. Какая жуть, если вдуматься. Люди могут любить друг друга, встречаться, жить вместе, целовать друг друга перед сном и слать сердечки в смсках. А потом они расстаются. Как будто не было поцелуев, сердечек, отношений. Как это вообще может быть? И как Сабрина может так спокойно принимать факт того, что дружба с Амиром не получила продолжения даже в элементарном интересе к тому, как сложилась судьба. Вера Николаевна нет-нет да заходит на профили своих бывших коллег, подруг, поклонников. Всё это вроде бы не нужно, даже лишнее. И все психологи учат, что не нужно. Но нити, связывающие с прошлым, не исчезают, не рвутся все разом, они тянут. Как ни изворачивайся.

Компьютер манил. Вере Николаевне постоянно приходили на ум студенты, профиль которых она хотела бы посмотреть. Может быть, у них есть дети. Или что-то можно понять из личной информации. Но, по правде говоря, наибольший интерес вызывал профиль Амира. Он, совершенно определённо, был у неё в друзьях. Она помнила как сегодня тот момент, когда получила от него запрос и подтвердила. Потом он ещё присылал её фотографии группы, которые они сделали на последнем занятии. Конечно, профилю сто лет в обед. Может, он уже и не активный.

Снова за компьютер. Озарённая голубым сиянием монитора, она хотела поискать Амира. Но тут заметила, что у неё горит красная единичка – пришло сообщение. Как оказалось, от Сабрины. В вольном переложении с английского:

«Я решила написать и мне жаль, если это вас потревожит. Я сожалею, если я не права. Мне показалось, что вы подумали, будто мне всё равно, и я совершенно не интересуюсь старыми друзьями. Это прозвучало так, будто вы заподозрили в холодности всю Малайзию. Я ещё раз извиняюсь за то, что так восприняла ваши слова. Вы часто говорили что-то вроде: «Не знаю, как в вашей стране, но у нас, в России...» Разумеется, вы говорили полушутя, но всё же. Я хотела бы сказать сейчас. Неужели вы действительно могли подумать, что я не интересуюсь судьбой моих одноклассников? Но иногда между людьми происходит что-то такое, после чего не хочется говорить. И проще сделать вид, что ничего не знаешь. Ино-

гда происходит что-то печальное, о чём не хочется вспоминать и ты просто делаешь вид, что тебе всё равно. Не знаю, понимаете ли я вы то, что я попыталась сейчас объяснить. Не знаю, как у вас в России, но...»

Вера Николаевна поёрзала в кресле, потёрла ладонями лицо. Основательно потёрла, с нажимом, будто махровым полотенцем после умывания ледяной водой.

«Дорогая, Сабрина! Я не хотела тебя обидеть. И сказать что-то неправильное. Я действительно люблю твою страну. И я думаю, что малазийцы – одни из самых доброжелательных приятных людей в мире. Я была не права. Прости за мой вопрос про Амира. Наверное, я лезла не в своё дело. Это было не вежливо с моей стороны. Теперь я это понимаю. Я спросила только потому, что в моём восприятии ты и Амир были чем-то целым. Я не могу представить тебя без него, а его без тебя. Вы были всегда вместе. Такими я вас и сохранила в своей памяти».

Сабрина ответила незамедлительно:

«Я понимаю, что вы не хотели меня обидеть. Наверное, я просто приняла это слишком близко к сердцу. А всё потому, что это действительно много значит для меня. Не хочу напускать таинственность, на самом деле ничего особенного между мной и Амиром не произошло. Он просто перестал со мной общаться. Мы доучились вместе до третьего курса, а потом он перевёлся в другой университет в Малайзии. Но я узнала об этом от других студентов. На мои сообщения

он просто не ответил. Наверное, решил начать новую жизнь. Мне было больно. Но я не стала ему надоедать. Раз он так решил. Мне просто было очень больно».

Вера Николаевна три раза прочитала сообщение. Просто перестал общаться? Не ответил на сообщение? Что может быть хуже?

«То есть, как не ответил на сообщения?» – решила уточнить Вера Николаевна.

«Ну я написала ему смску Как дела? Или что-то вроде того.»

Нет! Я вру. Я прекрасно помню до слова, до точки, что я ему написала. Было три сообщения. Первое я отправила в начале летних каникул: «Привет, как у вас погода?» Он его не прочитал. Даже не открыл. Оно, наверное, и сейчас висит у него на телефоне непрочитанным. Я думала, может, у него украли телефон? Потом я написала ему на Филфри: «Привет, как дела?» Он тоже не прочитал. Я волновалась, думала, что он заболел. Или что-то случилось. Но потом он стал бывать онлайн и я пересекалась с ним. Как только я появлялась, он почти сразу выходил. Я думала, что это совпадение. А сообщение он не читает только потому, что очень занят чем-то. А потом я была с ним одновременно в сети и отправила смайлик с гримасой недоумения. Он был онлайн ещё долго. И я всё ждала и ждала, когда же он откроет мои сообщения. Я думала, вот-вот он напишет мне: «Привет, прости, что долго не отвечал, просто...». И объяснит, что всё было

очень просто. И у него были причины не отвечать. Но шли недели. Я начала понимать. Он сам мог бы уже написать мне, если бы хотел. И раз он не пишет, значит, не хочет».

«Это звучит просто ужасно, – ответила Вера Николаевна. – Амир казался мне таким надёжным».

И ещё она подумала, что он был влюблённым, или она ничего не понимает в людях. И в жизни. Может быть, родители как-то повлияли на него? Что можно знать о влиянии третьих сил? Хотя Вера Николаевна сама была в данной ситуации третьей силой. Пока Сабрина безмолвствовала, она отыскала профиль Амира. Судя по обновлениям, он бывает онлайн. Повинуясь некому порыву, Вера Николаевна нажала на вкладку «Сообщения».

«Как дела, Амир? Как у вас погода?»

Тем временем пришло сообщение от Сабрины:

«И если честно, я узнавала, как у него дела. Хотя мне и не приятно говорить об этом. Вроде как признаваться в подглядывании или что-то типа того. Но я знаю, что он был женат. И, похоже, счастлив. И у него были дети. Двое прелестных деток. Но сейчас Амира больше нет. Он погиб в автокатастрофе полтора года тому назад.

И я действительно жалею, что так и не задала ему тех вопросов, которые меня мучают до сих пор. А теперь – некому. Я так и останусь без ответа. Наверное, это моё проклятие».

Информация, которая выплеснулась с монитора, оглушила и сбила с ног. Как большая стремительная волна. Как цу-

нами. Тут посреди комнаты. Ураган Сабрина. Вера Николаевна понимала, что ни она, ни её ученики не будут жить вечно. Но сейчас – это было, как будто Амир умер прямо сейчас, только что.

И непонятно почему Сабрина не написала про это сразу, а припасла на последок. Обычно о таких вещах говорят в первую очередь. А тут получается что-то типа: «Он оказался подлецом, который не отвечает на сообщения. Да ещё к тому же умер!» Но, вероятно, Сабрина изначально вообще не хотела писать, ни об Амуре, ни, тем более, о его смерти. Может быть, не хотела подавать виду, что наводила справки. А теперь разоткровенничалась и бац! Такой вот ужасающий факт.

Характерный звук доставленного сообщения вывел Веру Николаевну из ступора. Нельзя оставлять разговор сейчас, это будет совсем не правильно. И даже жестоко. Соболезнования были слабой стороной Веры Николаевны. Так было всегда. А теперь так вообще хотелось написать что-то типа: «Ну вот, видишь, как его Бог наказал». Нет, ну это совсем лишнее. Надо ответить как-то помягче. Вера Николаевна, вы ведь преподаватель! Взрослая мудрая женщина! Неужели же вам не приходит в голову никакой грандиозной в своей глубине и просветлённости мысли? Что это вообще за бред в стиле маленькой девочки? «Так ему и надо!»

Однако сообщение было вовсе не от Сабрины. Вере Николаевне ответил Амир. А в силу только что открывшихся

фактов его биографии, у Веры Николаевны возникло желание ещё раз измерить температуру.

Полтора года назад почивший Амир дружелюбно, со смайликами, написал, что погода в Малайзии, как обычно, жаркая. Ещё он отметил, что скучает по madam и осведомился, как у неё дела и какая сейчас погода в России. «Этому должно быть разумное объяснение», – подумала Вера. Это мог писать злобный фейк. Может быть, он сейчас начнёт зазывать в секту. Или попросит бросить ему денег на карту. Хотя, кто знает, может быть, Сабрина ошибается? Может быть, она, не сумев выйти замуж, вообще сошла с ума? Может быть, у малазийцев так принято?

Прежде всего, нужно проверить версию со злобным фейком.

«Погода у нас отличная – мокрый снег и температура ниже нуля.

Как твоя жизнь? Где работаешь? Ещё помнишь русский язык?»

Амир ответил: «Я скучаю по России. Даже по холоду и, особенно, по снегу. Я работаю врачом в частной клинике здесь в Малайзии».

«Врачом какой специальности?» – спросила Вера Николаевна. Это был вопрос с подвохом, потому что она задала его по-русски и потому что Амир, вероятно, должен был его узнать. Потому что невозможно, повторяя что-то миллион тысяч раз, не запомнить это на всю оставшуюся жизнь.

«Я РАБОТАЮ КАРДИОЛОГОМ» – ответил Амир.

«Правильно?» И смайлик.

«Да».

«Видите, до сих пор помню. Вы самый лучший учитель, мадам!»

Русский человек не заметит в вопросе подвоха. Автоматический перевод зачастую бывает грамматически неправильным. Может и есть нормальные программы-переводчики, но Вере Николаевне они как-то не попадались. Мы говорим «папа – врач», «я – студент», и совершенно не задумываемся, почему вдруг во фразах типа «я хочу быть врачом» и «я был студентом» вдруг появляется окончание –ом у слов, обозначающих профессию. Ом – это как звук, звучащий в нирване. Окончание творительного падежа для слов мужского рода (fifth case).

И правда, кто знает, почему так? Я школьник. Но. Я был школьником. Подумайте об этом на досуге.

Похоже, Амир настоящий и вполне себе ныне здравствующий. Ничего особенного, просто Сабрина ошиблась. Была кем-то дезинформирована. Или мало ли что. В любом случае, сейчас Амир вполне открыт для общения.

«Я хотела спросить, – написала Вера Николаевна, – как дела у Сабрины? Вы были так дружны, когда учились у меня. Сейчас общаетесь?»

Амир прочитал сообщение и вышел в офлайн.

*

~~Дорогая Сабрина. Здравствуй, дорогая милая Сабрина!~~
~~Моя дорогая Сабрина!~~

*Сабрина! А уверена ли ты... А знаешь ли ты наверняка...
Не могло ли тут быть ошибки?...*

Вера Николаевна пыталась прикинуть на бумаге варианты письма Сабрине. И не достигла большого успеха. Даже на русском. А что уж говорить об английском! Над строчками витал призрак сомнения в здравом рассудке.

Вера Николаевна получила от Сабрины сообщение, но не спешила его просматривать. Вне зависимости от содержания этого послания, в ответ нужно спросить про Амира. Ведь он жив, хоть и не отвечает на сообщения. Как выяснилось, это вполне для него характерно.

Проведя в творческих муках какое-то время, Вера Николаевна вдруг подумала: «Зачем искать окружной путь, когда есть калитка?!» Она зашла на Филфри, открыла диалог с Амиром и нажала на «Print Screen». Несколько нехитрых манипуляций в Paint, чтобы убрать всё ненужное, и дело сделано.

«Если Амир погиб, как объяснить это?» – написала Вера Николаевна и прикрепил картинку.

«Что это?» – спросила Сабрина. – «Когда была эта переписка?»

«Вчера, сразу после того, как ты мне написала о трагедии, я захотела посмотреть его профиль. Потому что он ведь мой ученик, понимаешь. Мне стало грустно. Захотелось увидеть

его фото. И тут он вдруг оказался онлайн. И я не утерпела и написала ему, а он ответил».

«Это очень странно», – ответила Сабрина. – «Похоже на какой-то злой розыгрыш. Вот посмотрите». Она отправила ссылку на новостной портал. Язык заметки был не английский и, уж конечно, не русский. «По-малайски», – решила Вера Николаевна. На фото были какие-то искореженные фрагменты автомобиля. Пробежав глазами по тексту заметки, Вера Николаевна увидела имя Амира. Которое там, несомненно, там упоминалось.

Пришлось подвергнуть текст статьи автоматическому переводу. Всё выглядело достоверно. Может, Амир зачем-то инсценировал свою смерть? Например, поссорился не с теми людьми и... А что, и такое бывает.

Тишину напряжённого недоумения прервал звук входящего сообщения. От Амира.

«Здравствуйте, мадам Вера! Извиняюсь, что прервал вчера беседу столь поспешно. У меня были на то причины. Я вынужден сообщить вам неприятную новость. Сабрины больше нет. Она умерла. И для меня это невосполнимая утрата и огромная личная трагедия».

Вера Николаевна сидела, глядя на свет фонаря за окном. Цвета жжёного сахара. So sweet. На фоне такого сладкого света мелькали такие быстрые снежинки. Как сахар, который размешивают в стакане крепкого чая. Вера Николаевна была почти полностью неподвижна. И только дыхание. Люди оши-

бочно думают, что усилие нужно на вдохе. На самом деле после хорошего выдоха воздух сам наполняет собой лёгкие. Усилие нужно на выдохе. Всё, что нужно для жизни приходит само по себе, причём в избытке. Главное как следует выдохнуть.

«Выдохни», – говорит заведующая кафедрой, когда Вера Николаевна начинает выходить из равновесия. А поводов из него выйти в их университете, что грибов после дождя. «Выдохни», – мысленно приказала себе Вера Николаевна голосом своего начальника.

Сообщение для Амира:

«Я как-то общалась с Сабриной и спросила про тебя. Мне показалось, что она была расстроена, потому что ты прервал с неё общение без причины. Что произошло между вами?»

Амир выдержал паузу, а потом прислал сообщение.

«Мне давно хотелось с кем-то поделиться. Потому что довольно тяжело носить это в себе. Чувствую ли я себя виноватым? Да. Хотел бы я объясниться с Сабриной? Наверное, да. Если бы у меня был выбор прожить всё заново, повторил бы я свои действия? Определённо, нет. Считал ли я, что поступаю правильно тогда? Да, я искренне так считал.

Возможно, для вас мы с Сабриной были только студентами, которые всегда сидят за одной партой. Может быть, вы даже думали, что я сижу с Сабриной ради учёбы. Чтобы помогала с ответами. Но это не так. Возможно, сначала так было. Но уже во втором семестре первого года учёбы я прин-

ципиально не заглядывал к ней в тетрадь. Понимаете, мне казалось это признаком слабости. А слабости дорого обходятся, особенно, мужчинам.

Для всех мы с Сабриной были друзьями. Друзьями, которые вместе сидят на уроках. Друзьями, которые вместе ходят в кафе, болтают на переменах, гуляют в парке. Не бывает такой дружбы между парнем и девушкой! Особенно, когда им девятнадцать лет. Чем больше я узнавал Сабрину, тем сильнее влюблялся в неё. Я не знал, отвечает ли она взаимностью на мои чувства. Сейчас я понимаю, что отвечала. Но тогда, мне казалось всё ненадёжным и подозрительным.

На каникулах после первого курса мы разъехались по домам. Я безумно скучал. Каждый день мне хотелось сорваться и поехать в тот город, где жила она. Но я представлял себе реакцию её родителей, если молодой человек типа меня появится у них на пороге. В России всё было просто, а у нас – это был бы скандал. Что-то вроде вторжения вражеской армии. Одним словом, проблема.

Конечно, всё это было решаемо. Можно было договориться о встрече где-то в торговом центре. Встречу можно было обставить, как случайность. У меня был школьный друг. Назовём его, Кайрул Анвар. Он в открытую встречался с девушкой из хорошей малазийской семьи. Они ходили вместе на спортивные матчи, в рестораны, даже ездили на каникулы путешествовать по Европе. Его девушка – Нани – была весёлая и общительная крошка. Ни в чём плохом она не была

замечена, хотя хеджаб носила от случая к случаю. Что само по себе говорит о свободе нравов. Поэтому и родители Нани смотрели на такие добрачные отношения снисходительно.

Семья Сабрины была более консервативна. Особенно её отец. Я решил посоветоваться с Кайрулом, как мне быть. Его рассуждения поразили меня. Ему нравилась Нани. Он даже говорил, что влюблён. Но по его словам получалось, что гарантом их любви служит финансовая сторона вопроса. Нани была из состоятельной семьи и могла сама выбирать себе жениха. А Кайрул был седьмой сын седьмого сына. Ни денег, ни положения в обществе. Он ни за что не бросил бы Нани, даже если бы узнал про неё что-то плохое. Когда я заговорил о своих чувствах к Сабрине, то он первым делом спросил, из какой она семьи. Сабрина была из семьи среднего достатка. Кайрул скривился, как будто надкусил лимон. «Не стал бы я афишировать отношения с такой девушкой. Это может помешать сделать хорошую партию в будущем», – сказал он.

Я был сбит с толку, как только может быть сбит с толку юноша. Мне едва исполнилось двадцать лет. Я буквально ненавидел себя за собственную недалёковидность. Я ведь тоже был из небогатой семьи. Мой отец погиб рано, и мама была вынуждена обращаться за помощью к родственникам и брать ссуду в банке, чтобы оплатить моё обучение. А ещё у меня был младший брат, которого тоже нужно было ставить на ноги.

Но мои чувства к Сабрине были сильны. Поэтому я решил

поговорить с мамой. Она отреагировала удивительно спокойно. «Может быть, это и правда твоя девушка. Та, единственная, которая сделает тебя счастливым. Но если ты хочешь развеять сомнения, давай сходим к гадалке. Я хожу к этой мудрой женщине много лет, и она ни разу не ошиблась в пророчестве». Я даже не знал, что мама имеет такие знакомства! Тем же вечером мы пошли к гадалке.

Нам не пришлось ехать в другой город, спускаться в пещеры или взбираться на гору. Гадалка жила в трёх кварталах от нас. Её квартира была на втором этаже муниципального дома. Мы вошли и поздоровались. Гадалка была очень полной женщиной. Её маленькие ручки напоминали младенческие: с перетяжками на сгибах, с ямочками в области суставов. Я наблюдал за ними, как замороженный. «Оставьте нас!» – приказала она матери. Когда мы остались одни в комнате, гадалка сказала: «Я могла бы сделать тебе любой расклад, на любых картах. Или погадать на свечном воске. На кофе или чае. Но я не буду этого делать. Потому что вокруг тебя точно витает облако. В этом облаке я вижу всё, что ты хотел бы узнать. И даже больше. Я вижу то знание, от которого ты с удовольствием бы отказался. Девушка, с которой ты связан узами, которые нельзя порвать, станет твоим проклятием на всю жизнь. Но принимать ли это – твой выбор. Однако я вижу больше. Если после следующего своего дня рождения ты скажешь ей хоть одно слово, она погибнет по твоей вине». Я не уверен, что смогу правильно изложить

суть её слов по-английски. Она сказала, что у меня есть выбор. Если я буду следовать своим желаниям, идти по пути наименьшего сопротивления, то после непродолжительного счастья меня и Сабрину будет ждать горе и мрак. Если же я откажусь от своих притязаний, то у Сабрины будет шанс стать счастливой с кем-то другим. Её жизнь можно купить ценой самоотречения.

И я принял решение. Перевёлся в другой университет и попытался забыть Сабрину. Я не писал и не звонил, не искал встреч, не отвечал на её сообщения. Наверное, поэтому она и была зла на меня. И как бы я не пыталась, мне нестерпимо хотелось знать, как у неё дела. Она вышла замуж и у неё были дети. Я был рад за неё. Сам же я женился неудачно. Буквально на первой встречной. Это была девушка, с которой сосватала меня моя мама. Жена была мной вечно недовольна – можно сказать, что мы не сошлись характерами. Через три года мучительной совместной жизни мы развелись.

Я много думал о Сабрине. И часто задавал себе вопрос: а правильно ли я поступил тогда? Честно говоря, я постоянно испытывал сомнения. Если бы Сабрина проявила хотя бы немного настойчивости, я бы, наверное, не выдержал. Но, к моему удивлению, она всего лишь написала мне два коротких сообщения в стиле «привет как дела». А потом просто забыла о моём существовании. Такое чувство, что она вычеркнула меня из своей памяти. Я был шокирован её холодностью. Наверное, если бы она, так же как и я, попыталась

бы отгородится от меня, я сломал бы любые стены. Так почему же она даже не попыталась сделать этого?

Долгое время я мучил себя этим вопросом. А теперь его некому задать. Потому что Сабрины больше нет».

Вот так письмо! Вот так история! Вера Николаевна хотела бы присвистнуть, да не умела. Поэтому она просто с шумом и резко выдохнула. Оказывается Амир ещё и чувствует себя недолюбленным из-за того, что Сабрина не полезла ради него через выстроенные им же самим стены. Но вот что странно: Амир и Сабрина считают друг друга погибшими. Оба несчастны в личной жизни. Амир считает, что Сабрина была счастлива в идеальном браке. Сабрина то же самое написала про Амира. Такое чувство, что они находятся в разных мирах, а точкой коннекта каким-то непостижимым образом стал профиль Веры Николаевны на Филфри. Вероятно, Амир смог бы предоставить доказательства гибели Сабрины. Но даже спрашивать об этом бессмысленно. И без того понятно, что они живут в параллельных вселенных. Две реальности, которые пересекаются лишь в точках боли и разочарований.

Вера Николаевна чувствовала озноб, характерный для подъёма температуры. Она выпила чашку чая в прикуску с таблеткой аспирина и прилегла на диванчик. Мысли быстро пошли в разбежку. Замелькали образы, слова и лица. В какой-то момент Вере Николаевне пригрезилась огромная церковь, которая пронзала своими сводами грозное небо. Тот

храм был на острове посреди бушующего океана. И строение по площади было равно самому острову. Чайки с шумом носились сквозь высокие окна храма. Их перья качались на гребешках прибоя. «Неужели, волны не наносят ущерба зданию?» – подумала Вера Николаевна и проснулась.

Зайдя на Филфри, Вера Николаевна увидела сообщение от Сабрины: «Я проверила профиль Амира на сайте. Он удалён».

«Извиняюсь, что невольно стала причиной твоего беспокойства, моя дорогая Сабрина! Сейчас я уже разобралась в ситуации. Просто сбой на Филфри».

«Так с кем же вы общались, madame?» – недоумевала Сабрина.

Вера Николаевна вспомнила тонкое перо, которое вложил ей в руку старый шаман из её сна. Она видела это перо во всех деталях. Крапинки и чёрточки, переливы цвета. Помнила его вес на ладони, его влажность и сухость. Шероховатость и гладкость. Оно казалось таким реальным, но по пробуждении руки были пусты. Перо принадлежало другому миру, в нём и осталось. Но тот мир был не менее реален, чем этот. Равно, как и этот, не менее иллюзорен, чем тот. «Это просто feather», – подумала Вера Николаевна.

Она быстро набрала сообщение:

«Я и сама не знаю, кто это был. Но теперь всё хорошо. Успокойся, дорогая, успокойся».

И вышла в офлайн.